

“моя беременность сказала на работе”

Саша Вальц — Газете

В Санкт-Петербурге — фестиваль театров танца, представляющий крупнейшие европейские компании и хореографов с мировым именем. Особым событием стал спектакль «noBody» в постановке лидера немецкого танцтеатра, художественного руководителя берлинского Schaubuhne am Lehniner Platz хореографа Саши Вальц. Специально для Газеты с Сашей Вальц встретились Оксана Токранова.

Вам пришлось делать специальную редакцию «noBody» для показа в Санкт-Петербурге?

Да, конечно. Мы приноравливаем спектакль ко всем гастрольным площадкам, ведь он создавался для Авиньонского фестиваля, под огромное пространство Папского дворца, был рассчитан на представление на открытом воздухе, это пространство было раза в три больше, чем сцена «Шaubюне». Здешняя сцена уже нашей, и мы немного перекроили пространство спектакля.

То, что вы мама двоих детей, открывает какие-то иные возможности в работе или только создает дополнительные сложности?

Когда я была беременна Ласло, своим старшим сыном, мы работали над проектом «На земле» — копродукцией с российскими танцовщиками; настроение, тематика работы тогда совпали с моими ощущениями, связанными с беременностью. Будучи беременной младшим сыном, я с труппой работала над «noBody», и мне, конечно, было интересно наблюдать за собой, за тем, как меняется мое тело. Моя беременность в обоих случаях сказала на работе.

Вы талантливый хореограф и возглавляете вместе с Томасом Остермайером один из самых актуальных театров Германии. И еще вы мама. Удастся все совмещать?

Сложнее всего это сосуществует в той сфере, где я выступаю художественным руководителем театра. Я работаю в государственном театре, такой театр — структура с жесткой иерархией, и то, что я мать двоих де-

тей, иногда оборачивается негативной стороной. Я чувствую определенную дискриминацию, ущемление. В любом случае у меня нет других вариантов, нужно совмещать, успевать, и никак иначе.

В России труппы современного танца выживают за счет иностранных фондов и грантов. Какова ситуация в Германии? В одном из интервью вы говорили о финансовых проблемах, с которыми сталкиваетесь в «Шaubюне».

Конечно, финансовые трудности, которые испытывает современный танец в России, не сопоставимы с нашими проблемами. Я кое-что об этом знаю, так как мы столкнулись с ними на проекте «На земле», который делали с российскими танцовщиками. Но и у нас достаточно трудностей. Мы никогда не знаем, что будет, если мы выйдем за бюджет, который выделяется на проект. Например, в «noBody» занято двадцать пять танцовщиков, в моей собственной труппе — двенадцать, остальных мы набирали в последнем классе школы Фолькванг. То есть с каждым из приглашенных танцовщиков нужно было заключить договор, а это дополнительные средства, которые не были предусмотрены в бюджете. Но на этом проекте я категорически не могла обойтись двенадцатью танцовщиками, мне нужна была масса. Конечно, дело не только в деньгах. Являясь художественным руководителем театра, я просто лишена тех полномочий, которые могли бы менять ситуацию или реально влиять на нее. Я же не директор. На самом деле в Берлине комическая ситуация с компаниями современного танца. Вроде бы город

поддерживает нас, но я не знаю, готов ли он увеличить бюджет наших проектов. Если говорить о Германии, то у меня нет ощущения, что как-то особенно поддерживается современный танец и драматический театр. Опера — да. Если где-то и урезается бюджет, то у проектов, связанных с современным танцем. Думаю, что это еще и потому, что у слова до сих пор приоритет перед телом, движением.

Вас не пугает возможность такого развития событий, как в случае с Уильямом Форсайтом, которому, по существу, было отказано в театре?

Насколько я знаю, Форсайту удалось найти выход: он будет ставить по договору и во Франкфурте, и в Мюнхене, и в других городах с привлечением спонсорских денег. В принципе, это та экономическая модель, к которой сейчас стремимся и мы. Я об этом думаю. Работать не в «Шaubюне», а в копродукции с театром. Это даст новые возможности и большую свободу действий. Пока все это лишь идеи. Но я готова ко всему.

Танцтеатр, кажется, находится сейчас на пределе своих возможностей, по крайней мере в Европе он работал на территории смежных искусств, привлекал слово, видеоарт, живопись, спорт и пр. Каким вам видится его дальнейшее развитие, нет ли ощущения исчерпанности форм?

Если бы я знала, как будет развиваться танцтеатр, наверное, я работала бы в этом направлении. И все же мне кажется, что не может быть исчерпанности, ведь каждый хореограф ищет в соответствии со своей индивидуальностью, выстраивая мир спектакля по каким-то субъективным позициям — кто-то, например, много работает со словом, а для меня это несущественно. Сейчас меня больше всего занимают отношения сцена-зритель, танцовщик-зритель, та предельная степень интимности, которая может быть между ними достигнута.

Саша Вальц: «Я чувствую определенную дискриминацию, ущемление»
Фотограф: Наталия Разина

новая «мама» немецкого танцтеатра

Сашу Вальц в России полюбили сразу. Как Дина Рида. Но не потому, что она была коммунисткой (вот уж чего не дождетесь), а потому, что первые гастроли ее компании пришлось на период падения Берлинской стены, — а Саша Вальц про наше коммунальное советское житье-бытье понимала как будто все. Первый же спектакль «Травелоги» (1993), действие которого происходило на кухне, поразил точными и беспощадными характеристиками жителей мегаполиса — Вальц назвали гиперреалисткой и стали ждать, что будет дальше. Дальше Вальц показала в России еще два проекта, и снова с огромным успехом: спектакль «Аллея космонавтов» (1996), для которого ей пришлось изучить нравы обитателей хрущоб в Восточной Германии, и спектакль «На земле» (1998), который репетировался с русскими танцовщиками в усадьбе Станиславского «Любимовка» (персонажи ковырялись в земле, валялись на сеновале и купались в глубоководных, явно не немецких лужах). В Германии Сашу Вальц оценили почти сразу и, определив в преемницы главной иконы немецкого танцтеатра Пины Бауш, назначили художественным руководителем театра «Шaubюне» в Берлине. Этот пост Вальц делит с лидером немецкого авангардного театра Томасом Остермайером. В Петербург Вальц привезла спектакль «noBody» (2002) — последнюю часть поставленной в «Шaubюне» трилогии о человеке и его теле.